

Оговорюсь сразу - человека, о ком пойдет речь, в действительности зовут не Роберт, а иначе. Из каких соображений не называется настоящее его имя, а также имена других фигурирующих в нашем повествовании лиц, станет ясно чуть позже.

Итак, Роберт - боец одной из Степанакертских рот. Эмоционален и порывист в движениях. Рассказывая сильно жестикулирует прямо перед лицом собеседника (со стороны кажется, что бьет его по лицу). А вообще он не так уж страшен и агрессивен.

"Теряется" часто папа", - справедливость этих слов сынишки, Гарика, Роберт не оспаривает. Ведь малыш хотел сказать, что отец порой так отдается думам своим и "уходит в себя", и случается, прямо посреди оживленной улицы, что "не достучишься" до него никак - словно спит на ходу.

И есть Роберту от чего придумать, что вспоминать. Он один из тех немногих бойцов, которые с самого начала войны, участвуя практически во всех операциях, остались в живых. Он брал Кркжан, Джангасян, Ходжалу. Рядом падали и гибли его товарищи. Под непрерывным огнем противника выносил Роберт раненых и убитых, всех до единого, лишая врага возможности поглумиться над ними. И пуля не брала его...

Впрочем, под Шушой он был ранен. Первые несколько часов штурма города противник сопротивлялся отчаянно. С возвышенности непрерывно стрекотал азеровский пулемет, автоматные очереди решетили вечерний сумрак. Несмотря ни на что, медленно, но верно, взвод под командованием старшего лейтенанта Зограбяна поднимался по кустистому склону пригорка. Уже поднялась в воздух рука командира, чтобы через мгновение дать сигнал к решительному броску, как откуда ни возьмись, обогнув наступающих слева, появилась вражеская БМП и открыла прицельный огонь. Кто-то неподалеку безмолвно упал. Роберт подбежал. Друга своего детства, Амаяка, с расколотым черепом он узнал по специфической (имевшейся только у них двоих) нашивке на рукаве "афганки".

Едва он успел окликнуть товарищей, как почувствовал горячую боль в левом сапоге. Пуля-дура, то ни одной за годы войны, то сразу три в одном бою, в одно и то же месте - стопы.

Лишь когда вынесли с поля убитого товарища, Роберт снял набухший от крови сапог и буркнул под нос: "Ранен кажется".

Приглашая в небольшую, необставленную комнату (если не считать старого дубового стола с 2-3 стульями, да двух железных кроватей по углам). Роберт говорит: "Вот так и живем...". Роберт потечески гладит по головкам своих сынишек, но взгляд его хмур и

неласков.

- В первое время, когда только-только ввел в отчий дом невесту, от счастья чуть не плакал. А что сейчас?...

Как истинный фидан, Роберт ставит идею служения родине превыше всего - семьи, родного очага, личных интересов...

- Какой я фидан, - говорит Роберт, - если дома у меня куска хлеба нет? Знаешь, где жена? Вышла занять лаваша у соседки. Да и не нужно мне ничего. Ни денег, ни славы - ничего не нужно. Смерти я не боюсь, не хватаюсь за жизнь обеими руками, как некоторые. Буду я или нет - не велика потеря - лишь бы дети жили... Только не так, как мы. Слишком уж крови навиделись мы, пусть они не видят.

и в отместку она решила "переметнуться" в противоположный лагерь, чтобы предупредить там о готовящемся наступлении.

Раненная догнавшей ее пулей, птица-перебежчик все-таки долетела до цели. Через полчаса мощная техника и многочисленная пехота противника ворвались в село. Благодаря неожиданному гостю ребята избежали лишних жертв.

С тех пор человек и беркут стали неразлучными друзьями, вместе прошагали суровые вески войны, вместе делили скромный солдатский пай, вместе отдыхали, пока однажды не забрал его Роберт с собой домой в город на краткосрочный отпуск.

Воспользовавшись недолгой отлучкой хозяина, птица, видимо, пожелавшая разведать незнакомую

Война в лицах

Чтоб дети Арцах не стали фидан...

Роберт показывает (вот уже который раз за вечер) фотокарточки боевых друзей своих, окаймленные черной рамкой... Вот, ни на минуту не выпускавший из рук гранатомет и даже отдыхавший в обнимку с ним в сырых окопах, Аркадий. Перед тем, как навсегда покинуть ребят, он успел подбить два танка противника. Вот - Юра, пулеметчик, гроза вражеской пехоты... Как-то незаметно ушли они, уходили не попрощавшись, и слез не хватало оставшимся оплакивать их. Последней покинула Роберта птица. Рассказывая о друзьях, Роберт не забывает упомянуть нежданного друга своего - беркута.

Дело было в Срхавенде, на позициях. Стояла необычная для прифронтовой зоны тишина. На засыпающие холмистые окрестности опускались сумерки. Вставив дозор, отделение легло отдохнуть в бараке... Сквозь неглубокий сон Роберт услышал откуда-то сверху доносившееся какое-то дребезжание, похожее на звон колокольчика.

Изумленный, он открыл глаза и вскинул голову. Из скудной кроны низкорослой дикой яблони на лицо Роберта капнула кровь. Вцепившись острыми коготками в ветку, истекающая кровью птица, пыталась удержаться на дереве и отчаянно хлопала крыльями. Бронзовый колокольчик звенел на ее лапе.

Роберт дотянулся к птице. Непокорный беркут пронзил насквозь коготью свою ладонь фидан. Тот молча снес "обиду" и перевязал птице рану. Беркут покорился новому хозяину...

Загадочное его появление Роберт объясняет так: по всей видимости, прежние хозяева выдрессированной, но своенравной и гордой боевой птицы чем-то не угодили ей,

ей местность, вылетела в форточку и была затравлена местной пачанвой, собаками. Отчаянно сопротивлялся беркут, но силы оказались неравны...

То, что напоследок рассказал Роберт, ошеломило меня и заставило не называть настоящего его имени.

- Все мы - 10 оставшихся из 50-и в живых - потенциальные смертники, тайно занесены местной мафией в "черные списки". Видите ли, мы мешаем ей делать деньги. Если не убьют нас на войне, то обязательно выстрелят в спину.

Вот так... монументально-монолитная идея служения родине неожиданно оказалась со свищом.

"Труженики" войны, настоящие ее герои, не прятавшиеся никогда за чьи-либо стены, оказались незащищенными с тыла, постоянно чувствуют на затылке нацеленный ствол.

Словно затравленный собаками беркут ходит среди нас гордый и непримиримый Роберт, ожидая, когда наступит его черед...

Прощаясь, я спрашиваю сынишку Роберта.

- Кем ты будешь, когда повзрослеешь?

- Когда стану совсем-совсем взрослый - буду фидан, как папа...

- А когда ты станешь совсем-совсем взрослый?

- Когда кончится война.

Дай Бог, чтоб скорее кончилась война и чтобы маленький Арменчик и все дети Арцах не успели стать фидан. Отцы вдоволь пролили за них крови. И еще, дай Бог, чтобы мрачные прогнозы отца не сбылись, и увидел бы он родину свою свободной.

Ашот БЕГЛАРЯН
соб. корр. "ГА" в НКР